

© 1999 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ЭЛИТА? КЛАНЫ? КАСТЫ? КЛИКИ? КАК НАЗВАТЬ ТЕХ, КТО ПРАВИТ НАМИ?

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - член-корреспондент РАН.

В последние годы в средствах массовой информации, в научной и околонучной литературе все чаще и чаще стало употребляться слово "элита" и его различные вариации - "экономическая элита", "политическая элита", "военная элита" и т.д. Этому в немалой степени способствовали многочисленные обсуждения, кто же в настоящее время правит Россией. На наш взгляд, эти дискуссии сознательно поддерживались теми, кто очень хотел, чтобы их относили к элите, рассматривали как элиту и дискутировали о том, какие проблемы существуют у этой элиты. Создается впечатление, что идет заказная целенаправленная пропаганда тех групп и тех людей, которые обладают властью или капиталом (или тем и другим вместе) и которые хотят, чтобы их облик выглядел в общественном мнении более привлекательным, чем "просто" политика или бизнесмена. И наибольшую лепту в наведение глянца на образ власть предержащих вносят журналисты - сейчас трудно найти хотя бы маломальский анализ политической и экономической жизни в любой газете, любом общественно-политическом журнале, любой передаче по радио или телевидению, где бы нам настойчиво, а порой назойливо не вбивалась мысль: тех, кто правит нами, следует называть элитой. Как это выглядит на деле, судите сами. Вот довольно типичный случай из практики СМИ. В газете "Известия" от 16 июля 1999 г. журналист А. Колесников, привычно употребляя данный термин, пишет, что "приближающиеся выборы и небольшая ротация политической и хозяйственной элит вывели из равновесия информационный рынок. На головы читателей, зрителей, слушателей снова полились потоки компромата, и этот поток со временем обещает быть все более густым и ароматным". Правда, хороша элита? И информационная война, и компромат, да еще "густой и ароматный", и прочие мерзости, которые с определенным мастерством описывает журналист.

Не меньше грешны и ученые, которые без особых раздумий стали использовать этот термин и поэтому в большей мере, чем журналисты, ответственны за вольные или невольные попытки ввести в заблуждение общественное сознание. Именно на суждениях коллег я и сосредоточил свое внимание.

Хочу сразу обозначить свою позицию - ни о какой элите в сегодняшней (да и вчерашней) России не может быть и речи. Ее давно уже не было, нет и в настоящее время. Употреблять это понятие в условиях сегодняшней ситуации в России - значит сознательно (или неосознанно) заниматься фальсификацией существующей реальности, подыгрывать низменным страстям, а в конечном счете исказить всю картину нашей действительности.

Представляются весьма поучительными два эпизода нашей недавней истории. Первый: начало 90-х годов. Назойливая, лезущая в душу реклама фирмы Стерлигова с его

впечатляющей собакой Алисой. Второй: развернувшаяся в те же годы, но по масштабам превосходящая все возможные и допустимые пределы - реклама фирмы Мавроди с его МММ и вездесущими бабочками. По всем меркам, если судить по масштабам содеянного, оба яркие представители "экономической элиты". Но где и кто они сейчас? Можно также вспомнить и некоторые громкие имена в политических коридорах власти, которые, прогремев на определенном этапе, стинули, канули в неизвестном, а часто и в известном направлении. Причем многие из них успели за это время урвать кое-что из "прихватизированного", "фондового", "банковского", тем самым обеспечив себе путь в "экономическую элиту".

Так что же в таком случае получается? Вчера был элитой, а сегодня нет? То есть, если имеешь деньги и власть, то ты элита? А если этого лишился, то, будь семи пядей во лбу, не можешь быть причастным к кругу избранных, ибо для этого существуют только два измерения - обладание финансовыми или политическими рычагами?

Давайте разберемся по порядку.

Что такое элита с точки зрения науки?

В "Словаре русского языка" СИ. Ожегова термин "элита" применительно к обществу раскрывается так: "*лучшие* (курсив мой - Ж.Т.) представители какой-нибудь части общества, группировки" [1]. В другом словаре русского языка, изданного под эгидой Академии наук СССР под редакцией А.П. Евгеньевой, элита трактуется как лучшие представители общества или какой-либо его части [2]. Напомню, слово элита происходит от французского elite, что означает лучший, отборный.

Так почему же в публицистической и научной литературе исходят не из этой трактовки данного слова?

Среди аналитиков общественной жизни и особенно ее политической сферы в настоящее время наиболее распространен так называемый статусно-функциональный подход к определению элиты. Например, известный американский социолог Р. Миллс (1916-1962) в своей нашумевшей и переведенной у нас в 60-е годы книге "Властвующая элита" утверждал, что элита - это деятели, занимающие такие социально-политические позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обычных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия. Тем самым подчеркивалось в элите наличие такой черты, как занятие ее представителями ключевых позиций в экономике, политике и других сферах общественной жизни. Это, разумеется, важно. Но нельзя абсолютизировать эту черту, как и то обстоятельство, что эти люди принимают решения, определяющие судьбы народа, страны. Если придерживаться этой логики, то любого тирана, например, Пол Пота, уничтожившего треть населения своей страны, должны относить к элите: он принимал решения, имеющие "крупные последствия" (!?). Эту позицию конкретизирует Т. Дай, полагающий, что под элитой надо понимать чиновников высшего звена, обладающих формальной властью в организациях и институтах и диктующих правила организации жизни в обществе. Такие дифирамбы высшему слою бюрократии оправдывали заранее все действия, которые предпринимались этой группой "в интересах общества". Именно такой подход - статусно-функциональный - в той или иной мере разделяют многие представители современной отечественной мысли. В желании охарактеризовать правящий класс как элиту используется подмена понятий, а иногда даже подтасовка, ибо свои выводы и идеи приписывают мыслителям, никогда не употреблявшим данный термин (например, Аристотелю, Гольбаху, Монтескье, Мору и др.)

В научной литературе распространена и другая, кстати, исторически первая трактовка - нормативно-ценностная, которая исходит из первоначальной сущности понятия и отвергает или серьезно сомневается в том, что тот, кто занимает высокий пост в структуре власти или обладает финансовыми ресурсами, и есть "лучший", "отборный", "качественный". Поэтому стоит прислушаться к мнению В. Парето (1848-1923), итальянского социолога и экономиста, введшего в науку этот термин

(впервые он его употребил в 1902 г.). Он писал, что наличие власти и богатства предполагает определенные качества у людей, претендующих на звание элиты - военная доблесть, происхождение, личное достоинство, искусство управления. Эти идеи впоследствии особенно ярко были выражены в работах испанского философа и социального мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета (1883-1955). Он относил к элите тех, кто обладает интеллектуальным или моральным превосходством, наивысшим чувством ответственности. То, что элите должно быть присуще творчество, неоднократно подчеркивал известный английский историк и философ А. Тойнби (1889-1975). Иначе говоря, формирование элиты, по мнению этой группы ученых, является следствием естественного отбора наиболее способных, достойных представителей, обладающих высокими нравственными устремлениями.

Есть еще один подход к элите - макиавеллиевский, по имени известного политического деятеля и мыслителя Италии Николло Макиавелли (1469-1527). Его суть состоит в признании элитарности любого общества, в отрицании идей народного суверенитета, абсолютизации отношений господства и подчинения. За этой теорией кроется концепция вечного, изначального неравенства и стремление правящих группировок удержать власть всеми имеющимися в их распоряжении и любыми средствами.

Если подвести итог сказанному, то можно утверждать, что элита - это не просто обладание экономической, политической или военной властью, а наличие определенных качеств и требований к ее представителям. Современная отечественная социальная мысль, увы, резко контрастирует в исходных предпосылках с мнением многих западных мыслителей, бойко причисляя власть предрежащих к элите, правда, не уточняя, до какого уровня, какого качества и какого объема власти можно считать их "избранными".

Что такое элита с точки зрения социологов и политологов России?

Прежде всего хотелось отметить работы Г.К. Ашина, который первый в истории советского обществоведения описал феномен элиты [3]. Однако в своих работах он рассматривал элиту особенно в 60-70-е годы применительно к буржуазному обществу (впоследствии автор отошел от этой точки зрения). Во-вторых, его анализ был посвящен только одной из многочисленных теорий, которые пытались осмыслить такое явление, как правящие слои в западном обществе, тогда как в этот период в западноевропейской и американской традиции существовали другие теории, которые рассматривали проблемы политических групп и групп давления, истеблишмента, бюрократии, клептократии, олигархии и еще ряда группировок, имеющих отношение к дележу власти и капитала.

В отечественных социальных и политических науках при осмыслении новых реалий современной пореформенной России проблема элиты не сразу заполонила политологические и социологические сочинения. В работах, посвященных анализу политической и экономической власти, широко используются такие понятия, как лидерство (Е.Б. Шестопал, В.Д. Виноградов, Н.П. Пищулин, Г.Г. Силласте и др.), бюрократия (В.К. Борисов, В.П. Макаренко, Е.В. Охотский, П.Д. Павленок, В.Г. Смольков и др.), правящий класс (Ю.Е. Волков, Н.В. Романовский, Н.А. Головин и др.). Сравнительно долгое время активно изучался феномен номенклатуры - правящей советской верхушки, что обычно связывается с именами тех, кто начинал в таком аспекте ее исследовать - М. Джиласом и М.С. Восленским. К слову сказать, в официальных советских документах, публицистике, общественно-политической литературе в Советском Союзе никогда не использовался термин "элита". На наш взгляд, такой термин, как "номенклатура", с одной стороны, более точно отражал сущностные характеристики партийно-государственной верхушки, с другой, - свидетельствовал об определенной ее сдержанности в использовании термина элита, в приписывании себе каких-то исключительных качеств.

Вместе с тем, мы являемся свидетелями того, как в 90-е годы происходили абсолютизация понятия "элита" и замещение им всех других возможных ракурсов анализа правящего класса. Оно постепенно стало применяться ко всем без исключения причастным к власти или капиталу. Это нашло отражение в работах О.В. Крыштановской, К.И. Миккульского, Л.В. Бабаевой, И.Е. Дискаина, А.В. Понеделкова, в том числе опубликованных в нашем журнале [4].

Желание найти элиту при любом политическом и экономическом анализе привело к появлению новообразований: "региональная элита" (И. Куколев, Т. Рыскова, М. Фарукшин, А. Шутов), "бизнес-элита" (Л.В. Бабаева, А.Е. Чирикова), "национальная элита" и т.д. и т.п., не говоря об экзотических изысках, как, например, воровская элита. Стремление подчинить анализ политической власти феномену элиты способствовало расширительному ее толкованию: М.Н. Афанасьев, например, стал трактовать ее не только как группы людей, обладающих значительной политической властью, но и как всю систему политических, экономических и духовных параметров функционирования социального поля власти [5].

Абсолютизация и преувеличение значения данного явления привели к тому, что даже исторический аспект функционирования правящих кругов в России порой рассматриваются через призму элиты. Так, в интересной работе О.В. Гаман-Голутвиной история правящего класса России, начиная с боярства (а почему не с княжеских корней? - Ж.Т.) и дворянства и до бюрократии российской империи и советской номенклатуры, проанализирована через "элитообразование". Автор достаточно четко сформулировала свое понимание элиты "как категории лиц, обладающих властью, вне зависимости от того, какие факторы обусловили вхождение во власть - происхождение, состояние или заслуги" [6].

Другие авторы обозначают свою позицию более сдержанно. Так, Е.В. Охотский раскрывает многообразие подходов к трактовке феномена элиты. Элита рассмотрена им в узком и широком смысле слова, проанализированы такие сопрягающиеся с ней понятия, как контрэлита, околоэлитное окружение и т.д. [7]. Еще осторожнее в употреблении такого понятия В.Н. Титов, считая, что лучше использовать слово "правящий класс", оно точнее и предметнее выражает сущность тех, кто стоит у власти [8].

Все увеличивающийся поток работ об элите и прекращение (или затухание) других подходов к анализу правящего класса показывает: социология и политология переживают очередной всплеск моды, который уже не раз в прошлом захлестывал наши исследования (например, по проблемам образа жизни, социального управления, экономических реформ и т.д.) и при нарушении меры приводил к отторжению, а иногда и дискредитации самих объектов этих исследований.

Кроме того, нужно учесть, что абсолютизация одного из подходов закрывает возможности других форм и видов анализа, которые также имеют право на существование, и их применение дает не менее аргументированные, веские и взвешенные доказательства правомочности их использования. Многие из них имеют то преимущество, что они не приукрашивают существующую реальность, более объективно характеризуют ситуацию с правящими кругами нашего общества.

Сторонников расширительной односторонней и формальной точки зрения на элиту можно также упрекать в том, что они в своей аргументации опираются только на одну из позиций социальной философии, создающей идеальные модели (в самом деле, ведь можно исходить из того, что тот, кто у власти, самый мудрый, самый достойный, самый умный и т.д. и т.п.), а не из реальности, действительности, которая всегда весьма отличается от идеальной картины теоретического представления об элите. Эта реальность скорее содержит лишь отдельные моменты, в лучшем случае штрихи, которые в совокупности далеки от абстрактных упований на исключительность слоя "избранных".

Есть еще один, на наш взгляд, весьма убедительный аргумент, который игнорируют многие исследователи, - учет влияния макро- и микрофакторов (условий) формирования элиты. Как справедливо отмечает украинский ученый В.В. Танчер, "элитизм

расцветает там, где слабо развито гражданское общество, выступая компенсаторским механизмом отсутствия его институтов. Замечено, что наибольшего распространения теории элит получили в "догоняющих" странах западной цивилизации, на периферии Европы, где господство клановых общностей тормозило развитие гражданского общества" [9].

Наконец, уязвимость позиций тех, кто относит всю правящую политическую и экономическую верхушку к элите, заключается также и в том, что они упускают из вида тот факт, что элитизм по своей сути противостоит демократизации общества, объективно ведет к подготовке различных форм авторитаризма и тоталитаризма и другим ограничениям общественной жизни, о чем неоднократно предупреждали и В.Парето, и Г. Моска, и Р. Михельс. Такого парадокса сторонники теории элит не замечают, игнорируют это противоречие, пытаются сочетать и оправдать несоединимое, порождая этой логикой кентавр-проблему - примирить противостоящие друг другу ценности - демократию и элитизм, за которым скрываются не столько народные, сколько клановые и кастовые интересы.

В заключение несколько слов, адресованных коллегам-социологам, активно использующим и пропагандирующим идеи элиты. Как же определяются состав элиты, ее критерии, ее количество и функции? Имеется несколько подходов. Один из них (В.Ф. Анурин, 1996) исходит из самоидентификации, т.е. кто сам себя относит к этой социальной группе, причисляет к высшему слою общества. Другой подход (Е.В. Охотский, 1997) строится на подсчете, сколько и каких чиновников на федеральном или региональном уровне следует отнести к элите, какое количество работающих в министерствах и ведомствах можно считать элитой. Третий подход (Л.В. Бабаева, 1995, 1997) опирается на рыхлый, но вполне определенный показатель - если ты богатый человек, бизнесмен, банкир, предприниматель, то значит - ты представитель элиты. Тот же "критерий" применяется и по отношению к политическим деятелям - если ты один из руководителей партии, движения, депутат или крупный чиновник - значит,ходишь в элиту. Все эти подходы, на наш взгляд, очень уязвимы с точки зрения качественной определенности, с позиций научности, так как ни один из них не дает ответа на вопрос - обладают ли те, кого относят к элите, такими существенными характеристиками, которые реально возвышают их не по показателю толщины кошелька или политической должности, а по тому, что олицетворяет ценностные и интеллектуальные преимущества одного представителя российского общества перед другим.

Реальности российской "элиты"

Если судить об истинных чертах и качествах современной правящей группы, то прежде всего выделяются две характеристики - обладание властью и капиталом. Считается, что, если имеешь пост в структуре власти или значительные финансовые (либо иные) средства, этого вполне достаточно, чтобы быть причисленным к элите. И это принимается как само собой разумеющееся. И к сожалению, мало кем ставится под сомнение.

Но давайте, следуя логике рассуждений, посмотрим, а что же в реальности представляют те люди, которых называют элитой и которые с большой охотой так сами себя именуют.

Обычно в прессе и научной литературе речь идет о нескольких группах, которые олицетворяют сильных мира сего. Во-первых, это часть бывших партийных, советских, комсомольских и хозяйственных работников, которые приобрели в рыночных условиях "новое дыхание". Во-вторых, это бывшие теневики, имевшие опыт подпольной, полузаконной предпринимательской деятельности и чьи возможности до рыночной экономики были весьма ограничены. И наконец, весьма пестрая группа людей, состоящая из искателей богатства, славы и известности - от предприимчивых,

рисковых деятелей до авантюристов, хищников, всякого сорта грабителей и демагогов (последние больше заявили о себе в сфере политики).

Можно ли их называть элитой?

Что касается первой группы, бесспорно, что часть представителей из бывшей номенклатуры еще в годы перестройки стали отходить от ортодоксальных позиций и готовить базу для будущей предпринимательской или политической деятельности. Что касается экономической стороны, то залогом их "успехов" стали причастность к разделу государственной собственности и умение урвать от этого пирога кусок пожирнее, не взирая ни на какие правила игры. И чем нахальнее был в этом стремлении тот или иной деятель, тем больше "благ" он смог "ухватить" для себя. К тому же эта группа (по крайней мере значительная ее часть) не была отягощена нравственными критериями для оценки своего поведения и более того умело камуфлировала личные и групповые интересы. У них не было стремления служить обществу, хотя оно весьма успешно имитировалось и демонстрировалось только на официальных мероприятиях - ведь от этого зависела карьера. Их интеллектуальный потенциал (знания, профессиональная подготовка, организаторские способности) нередко проявлялся весьма своеобразно, подчиняясь законам двойной и тройной бухгалтерии. Аналогичный процесс происходил и в политике - чем больше человек "расплевывался" с "социалистическим наследием", тем больше он имел возможностей продвинуться или пододвинуться к господствующей верхушке. Для принадлежавших к правящей номенклатуре были характерны «мимикрия, хамелеонство. Их главная установка - при любом раскладе иметь власть - безразлично, какая она будет по цвету: белая, красная или полосатая. Самым важным было одно - овладеть властью или быть при ней с правом обладать возможностями для приобщения к возможно большему количеству благ и привилегий.

Что касается традиций, которые предполагают отбор лучших, то они не могли сложиться в этой группе, ибо она комплектовалась из всех слоев общества и прежде всего по политическим критериям, которые по своей исходной сути не могли (и не могут быть) истинными показателями интеллектуального развития. Так разве можно к этой группе применить слова - "порядочность", "честь", "доблесть", "искусство управлять обществом"? Тем более - употребить слово "элита"?

Вторая группа — представители теневой экономики, имевшие в советское время опыт скрытой и закамуфлированной предпринимательской деятельности. Обладая ограниченными возможностями в рамках советской экономики, но приобретя колоссальный опыт обмана, мимикрии, хамелеонства, они в полной мере перенесли этот багаж и в рыночную экономику. Более того, многие из входящих в эту группу убедились на своей шкуре, что без совершенствования подобных методов и приемов не выжить, не удержаться на плаву. На наш взгляд, как бывшие теневики, так и многие бывшие политические "подпольщики" тоже не могли и не могут быть элитой, ибо долгие годы комбинирования желаемого и должного, личного и официального, приспособленчества и лавирования породили такой тип сознания и поведения, который сам по своей исходной логике не мог сформировать в этих людях ни "лучшего", ни "отборного". О какой элите в данном случае может идти речь, когда весь стиль мышления и деятельности этих людей направлен на то, чтобы словчить, обмануть, держать фигу в кармане, ввести в заблуждения всех и вся о своих истинных намерениях и целях? Это стало их второй натурой, от которой они не могли отказаться, даже тогда, когда был провозглашен переход к рыночной экономике, и не стало никаких препятствий для проявления собственного "Я". Весьма характерно в этом плане признание бывшего руководителя Госналогслужбы Г.В. Бооса, что он тоже обманывал налоговые органы (государство), когда сам был предпринимателем.

Хотелось бы при анализе этой группы обратить внимание на еще одно примечательное явление, особого рода парадокс - теневики и криминальные элементы, как показывают последние выборы в Думу и местные представительные органы, двинулись во власть. Готовятся к выборам в декабре 1999 г. и "братки" различных прес-

тупных сообществ (см., например, публикации об уралмашевской группировке, алюминиевом обществе Быкова в Красноярске). А в том, что некоторых из них выберут, сомневаться не приходится. Так что же, завтра мы будем величать криминального авторитета не только депутатом, но и еще представителем элиты?

Что касается третьей группы, то при всей своей разношерстности ее представители одержимы одним - как ухватить "кусочек" побольше и пожирнее, как завоевать место под рыночным солнцем, обмануть ближнего (и дальнего тоже). О каких нравственных качествах, этике, порядочности может идти речь? Идет жестокая и беспринципная борьба за собственность и ее передел. И выживают среди них самые наглые, самые беспардонные, самые отчаянные и рискованные, готовые никого не щадить на пути к достижению своей цели. Да, они проявляли и проявляют чудеса изворотливости, работоспособности, умения комбинировать и вычислять. Но причем тут элита?

Разве не разрывом между должным и сущим, между реальностью и претензиями продиктовано появление анекдотов о "новых русских", интеллектуальное богатство коих связано с рождением такого жаргона, который роднит их скорее с воровским, чем обыденным проявлением потребностей человека. И не они ли породили такой феномен, когда в попытке хотя бы частично обелить их стало употребляться такое понятие, как "криминальная (??!) элита"? Да ради того, чтобы так тебя называли, можно не только соглашаться, но и поддерживать тех, кто вводит в журналистику и науку такие слова. Согласитесь, это лучше, чем именоваться бандитом, грабителем, мафиози.

Аналогичный процесс происходит с такими людьми и на политическом поприще. Но с одним весьма существенным отличием. Если экономические деятели в той или иной мере доказали свою вплетенность в рыночные реалии, то их политические собратья в своем большинстве продемонстрировали лишь умение болтать и полную неспособность сделать что-либо конкретное, умение организовать какое-нибудь дело. Мало кто из них оказался способным хотя бы что-то воплотить в жизнь. Да и можно ли назвать элитой людей, которые вчера не имели ничего (был гол как сокол), но за год (а то и меньше) пребывания у власти, скажем, министром, заместителем министра или просто высокопоставленным чиновником получили в свое распоряжение банк, фонд, кампанию с заоблачными доходами. И это вы прикажете считать лучшей частью общества?

Таким образом, реальность российской элиты не соответствует действительному ее содержанию. Главная цель, преследуемая теми, кто имеет власть и капитал, - удержать их при всех обстоятельствах (а при возможности и приумножить), обезопасить себя от общества, сделать все, чтобы население молчало, терпело, не противилось манипулированию собой, в том числе и на выборах. Им не обязательно добиваться поддержки значительного большинства, что необходимо для достижения консенсуса в традиционном понимании, а достаточно просто мало-мальски позитивного отношения к своим претензиям и требованиям. И конечно, в любом случае, при любых обстоятельствах - удержать власть, сохранить и увеличить свое богатство, чего бы это ни стоило.

Как же назвать тех, кто правит нами?

Мне могут задать вопрос: если я отрицаю, что нами правит элита, то как же назвать тех, кто на самом деле распоряжается нашими судьбами, нашим настоящим и претендует на наше будущее?

Думаю, что отчасти правы те, кто называет этот слой иначе, применяя другие термины и понятия. Прежде всего в научной и публицистической литературе используются слова "лидеры", "политические лидеры". На наш взгляд, есть некоторые основания для употребления таких терминов. "Лидер" - тот, кто впереди, кто возвышается над другими, кто определяет направления политики. Это слово нейтрально к оценке деятельности его носителя: она может быть в одинаковой степени и положительной, и

отрицательной. Или противоречивой, когда лидер по одним направлениям своей деятельности поддерживается, по другим - подвергается критике. К нему по-разному могут относиться различные социальные группы. Да, лидер в силу объективных или субъективных обстоятельств идет впереди, уполномочен в силу тех или иных законодательных актов осуществлять функции управления. Иначе говоря, появление лидера в политике и экономике - это определенная закономерность, олицетворяющая необходимость в таких людях. Но в то же время этот институт характерен больше для стабильно развивающегося без кризисов и стрессов общества, в котором люди, задающие тон в политике и экономике, взвешенно и последовательно проводят согласование интересов основных социальных групп, добиваясь упорядоченного и устраивающего большинство устройства жизни. Кстати, в этих обществах не особенно жалуют слово "элита", полагая, что оно должно использоваться достаточно осторожно применительно к тем, кто имеет реальную власть. Тем взвешеннее должен применяться такой подход в обществах, которые находятся на перепутье. В этом смысле только с определенными оговорками данный термин может применяться в России. Ибо о каком лидерстве может идти речь в стране, в которой лидеры меняют друг друга с калейдоскопической скоростью: разве может эта чехарда олицетворять феномен лидерства?

Иногда при анализе политической и социально-экономической жизни людей, которые управляют страной, называют правящей группой (слоем). Эти относительно взвешенные, без эмоциональной окраски понятия позволяют давать беспристрастные оценки, достаточно нейтрально формулировать отношение к ним, выявлять как позитивные, так и негативные стороны в их деятельности. И наконец, следует упомянуть применение в некоторых работах термина "истеблишмент", который означает верхушку правящего класса в том или ином обществе. Он тоже без "окраса" — просто говорит о факте существования или наличия группы людей, правящих страной.

Можно упомянуть также используемые при анализе политической и экономической власти такие понятия, как "политические деятели", "руководители". Но это звучит слишком расплывчато, охватывает широкий круг политиков — от районных или городских до деятелей общероссийского масштаба, от принадлежащих к правящему слою до оппозиционеров, от политиков, решающих локальные проблемы, до людей, причастных к международным делам.

Смею утверждать, что нами правят - и в политике, и в экономике - не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам работы такие понятия, как "клики", "кланы", "касты". Они характеризуют специфические социальные образования, сплоченность которых базируется на корпоративном сознании, групповых, а не общественных интересах. Прибегну к пояснению своей мысли опять же к исходным трактовкам этих слов, как они зафиксированы в своем первоначальном смысле.

Клика, полагает С.А. Эфиров - это группа сообщников, объединившихся для достижения любыми средствами неблагоприятных, корыстных целей, и поясняет это на примере финансовых, управленческих или придворных клик. Иногда это слово ассоциируется со словом группировка, для которой основной критерий деятельности - не интересы общества, а интересы локальных объединений. Иногда понятие "клика" употребляется в качестве синонима понятия "банда". Термин "клика" также употребляется в отношении правящих групп, незаконно захвативших власть или обладающих ею без правовых, демократических оснований [10]. И в самом деле, можно ли сейчас с чистой совестью сказать о любой политической или финансово-экономической группировке в России, что она выражает насущные общественные интересы и потребности? Разумеется, они говорят и претендуют на такое выражение. Но на самом деле по большому счету в это они не верят и сами. И мерой их циничности выступает постоянно внушаемое всем окружающим утверждение: если это выгодно им, то это выгодно и полезно для общества.

Что касается слова "клан", то одно из его значений - "замкнутая группировка людей, считающих себя избранными, лучшими в каком-нибудь отношении" [11]. Клан формируются на принципах родства, протекционизма, землячества, замкнутого ближайшего окружения, иногда профессиональных предпочтений. И ответ на эти притязания - появление и функционирование других кланов, также претендующих на власть, но построенных и сформированных не на политической концепции, национальной идее, а на тех же родоплеменных узко групповых и эгоистических притязаниях. Именно клановые интересы разрывают живое тело многих постсоветских государств - и в России, и в Украине, и в закавказских, и среднеазиатских государствах.

Нередко клан модифицируется и превращается в касту, представляющую собой "узкую общественную группу, которая отстаивает свои привилегии и интересы и доступ в которую для посторонних затруднен или невозможен" [12]. В самом деле, многие ЗАО (закрытые акционерные общества), а часто и ОАО (открытые акционерные общества) по сути являются кастами, состоящими из узкого круга тяготеющих к криминалу лиц. Многие так называемые политические группировки, гордо именуемые себя партиями и движениями, также представляют собой очень замкнутые сообщества лиц, не желающих ни с кем делиться то ли капиталом, то ли мишурной (а нередко и скандальной) славой.

Если суммировать приведенные определения, то, на наш взгляд, они наиболее близко и самым лучшим образом отражают тех, кто олицетворяет реально существующую власть в России. Экономическое пространство уже давно поделено между разными кланами, кастами, кликами. Они сформировались достаточно стремительно, опираясь на складывавшиеся еще в советские времена родственные связи, личную преданность, приятельские отношения, что позволило поделить лакомые "куски" экономики. Обделенность отдельных клик, кланов, каст, считающих этот раздел собственности неоправданным, привел к криминальным и полукриминальным формам борьбы, переделу сфер влияния, "отстрелу" - явному или скрытому - "элитных" конкурентов.

Несколько по-иному происходит борьба каст, кланов и клик в сфере политики. Здесь наблюдается их постоянная смена, когда одна группировка сменяет другую или когда появляются комбинации из двух-трех кланов или клик, каждая из которых претендует на выражение общественных интересов, а по сути дела преследует свои амбициозные и корыстные цели. Главная опасность (и главный порок) этих группировок - попытка убедить, что их цели - это цели общества (народа). Перевернутая с ног на голову, эта ориентировка позволила политическим кликам "обижаться" на народ, который-де их не понимает и не поддерживает в их "высоких" стремлениях и постоянно отказывает в доверии, в том числе и на выборах.

Анализ реально складывающейся ситуации показывает, что в российской экономике и политике возобладали особые группы правящего слоя, которые добиваются осуществления групповых, корыстных, а нередко и низменных целей, не имеющих никакого отношения к интересам общества. Более того, члены этих сообществ не так уж редко смыкаются с группировками, реализующими антиобщественные и даже преступные цели. Даже официальные власти при всей терпимости к подобного рода "смычкам" и взаимопрощенью все же возбуждают против деятелей этого круга уголовные дела (а сколько их замалчивается?). А как объяснить действия представителей экономических каст, кланов и клик, когда они прячут капиталы за границей, уклоняются от налогов, организуют всевозможные "пирамиды" и просто воруют? Трудно понять поведение политических деятелей, которые вышли из народа, а "возвращаются в народ" только по приговору суда, успев, как правило, за период пребывания у власти обеспечить себе безбедную и независимую от государства жизнь не только в стране, но и за границей. А как называть людей, суть жизни которых состоит в отмытии теневого капитала, финансовых спекуляциях, хищениях, сращивании с преступными группами?

И их мы должны величать элитой?

Так что же такое элита?

Если элита - это лучшее, отборное, качественное, то это означает, во-первых, служение высшим интересам общества, без скидок, без оговорок, без сомнений, что именно она в первую очередь защищает национальные интересы в самом высоком звучании этого слова как в геополитическом смысле, так и при решении внутренних проблем.

Во-вторых, элита демонстрирует преданное, подлинно патриотическое служение обществу во всем - большом и малом, заметном и скрытом, в трудовой деятельности или на поле брани, в творчестве или обычной жизненной ситуации. Иначе говоря, это постоянное проявление гражданственности, верности обществу, в котором ты живешь и работаешь.

В-третьих, элита - это соблюдение требований нравственности, без назидания и морализаторства, постоянное проявление ответственности во всех без исключения жизненных ситуациях, демонстрация человеческого достоинства, особенностей суверенности личности, или, как говорил М. Вебер, обладание "этикой убеждений", "этикой общественности", наличие качеств "политика по призванию".

В-четвертых, элиту характеризует высокий интеллектуальный уровень, который помогает возвышаться над сиюминутным и обыденным и который способствует умелому, эффективному и рациональному решению жизненных проблем.

И наконец, надо иметь в виду преемственность в формировании элиты, ибо многие качества отшлифовываются на протяжении череды поколений, будь то британская аристократия или русское дворянство, наследственные династии врачей, учителей ушных или хлеборобов.

Иначе говоря, к элите принадлежит не просто тот, кто имеет власть или деньги (капитал) (причем чем больше, тем лучше), а тот, кто характеризуется необходимым набором гражданских и нравственных качеств, которые позволяют без скидок натяжек и обмана именовать людей ее представителями, как обладателями всего лучшего, что накопило человечество в процессе своего развития, быть частью цивилизации, а не ее искаженных модификаций.

Вместо послесловия

Вольное употребление слова "элита" не так уж безобидно, как может показаться на первый взгляд. Сам факт его использования власть предержащими возвышает их оправдывает их существование, сеет определенные иллюзии, возбуждает положительные эмоции. Непроизвольно внедряется и такая мысль, что у элиты или у ее отдельных представителей могут быть некоторые изъяны, недостатки, что вполне мол, объяснимо. Между тем общество должно знать правду о слое, который претендует - без всяких на то оснований - на это звание. А ученым и журналистам не пристало способствовать обману и камуфляжу, самовосхвалению тех, кто причисляет себя к "избранным", или даже выполнять заказы на описание и исследование "элит".

В общем мы имеем то, что имеем. А кто еще сомневается, стоит просто посмотреть внимательно вокруг и задуматься - а не заложено ли здесь стремление навязать обществу некий эрзац вместо того, что в самом деле является эталоном высокой нравственности, гражданственности, человечности, избранности. "Элитные слои" России культивируют такие формулировки и такое отношение к себе, которые отвлекают от их по сути преступных деяний, замешанных на обмане, коррупции хищениях, безмерном бесстыдстве. Только одна цифра. Цена годовой коррупции в России равняется 40 млрд. долларов, а если говорить только о взятке, то она оценивается в 6 млрд. долларов [13]. Ощущая себя временщиками, они одержимы претензией называться элитой, испытывая от этого удовлетворение и уводя людей от попыток контролировать их действия, требовать ответственности за проводимую политику.

Так стоит ли в этой ситуации ученым содействовать неблагоприятному и неблагодарному делу?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов. М., 1991. С. 907.
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред А.П. Евгеньевой. Т. 4- М., 1981. С. 758.
3. См., например, *Ашин Г.К.* Миф об элите и массовом обществе. М., 1966. Современные теории элиты. Критический анализ. М., 1985.
4. См. Социологические исследования. 1995. № 2,4,8, 11; 1996. № 4,12; 1997. № 8; 1998. № 7.
5. *Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. Воронеж, 1996.
6. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. М., 1998. С. 5.
7. *Охотский Е.В.* Политическая элита. // Основы политической социологии. Учебник. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М. - Нижн. Новгород, 1998. С. 166-167.
8. *Титов В.Н.* Политическая элита и проблемы политики. // Социологические исследования. 1998. № 7.
9. См. Социологические исследования. 1999. № 10.
10. См. Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 130.
11. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. С. 276.
12. Там же. С. 270.
13. Фигуры и лица. Интервью с Ириной Хакамадой // Независимая газета. 1999. № 7. С. 3.